

ПОЛИТ.РУ

«Взрослые люди» о прожитом, сделанном и виденном. Интервью социолога Бориса Докторова

*Полтора года у нас существует [цикл видеобесед «Взрослые люди»](#) с классиками – учеными, деятелями культуры, общественными деятелями, ставшими национальным достоянием. Его героями стали очень люди разных взглядов, специальностей и даже поколений. Проект обрел постоянных читателей и зрителей. Известный социолог **Борис Докторов**, чьи интересы включают в том числе интеллектуальную историю, побеседовал с ведущей проекта **Любовью Борусяк** о его замысле, о том, как он реализуется и воспринимается.*

Люба, как возник проект «Взрослые люди»? Если вы его инициировали, то как это желание появилось и почему вы начали его проводить с «Полит.ру»? Если инициатор «Полит.ру», то почему они обратились именно к вам?

Думаю, что такой проект просто не мог не возникнуть, на него есть социальный запрос; более того, уверена, что с каждым годом их будет все больше и больше. Насколько я знаю, сейчас подобной деятельностью занялся телеканал «Культура».

Последнее десятилетие в России часто называют «нулевыми годами». Эти самые нули – понятие далеко не только календарное: первое десятилетие нового века и нового тысячелетия. Обнулились такие прежде ценностно окрашенные понятия, как репутация, доброе имя, жизненный опыт и пр. Люди просто никому не верят. Раньше существовали имена-бренды, на которые определенным образом реагировали достаточно широкие социальные группы. Допустим, услышав *Дмитрий Сергеевич Лихачев*, очень многие знали, что на это имя предписано реагировать как на воплощение ума и интеллигентности. Конечно, это была честно заработанная репутация достойнейшего человека, но здесь был и элемент влияния государства, транслированный через СМИ. Разумеется, очень многие, знавшие, что Лихачев – «совесть нации», никогда не читали его книг. Когда Андрей Вознесенский писал о том, что «есть в Рихтере и Аверинцеве земских врачей черты – постольку интеллигенция, поскольку они честны», это тоже апелляция к читателям, для которых несомненны некие ценности, которые принято связывать с понятием «интеллигенция», в данном случае – честность. А начинается стихотворение словами, буквально повторяющими те ценности, которые в массовом сознании ассоциировались с тем же Лихачевым: «совесть страны и честь».

Еще в 1995 году Борис Дубин и Лев Гудков опубликовали книгу «Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях», которая недавно вышла вторым изданием. В ней авторы прощались с таким важнейшим для русской культуры явлением, как интеллигенция: она перестала быть властительницей дум, перестала задавать ценности.

Примерно в то же время в Питере проводился опрос жителей о самых уважаемых жителях Северной столицы. Победил Д.С.Лихачев, а на третьем, если не ошибаюсь, месте оказался певец и композитор Игорь Корнелюк, автор шлягера «Подожди, дожди, дожди...».

Ценностный дефицит возник уже тогда, но он усилился в «нулевые», когда принято стало массово не доверять никому, включая экспертов, специалистов, ученых, не говоря уже о политиках, кроме первого лица, конечно. Исчезли люди, лица, само имя которых придавало особую ценность их словам, имя как бренд, как знак качества. Кстати, это очень четко видно и по опросам общественного мнения по поводу имен людей, работающих на телевидении. В начале 1990-ых это были десятки имен, прежде всего, ведущих новостных и политических передач. Сегодня люди помнят несколько имен: Андрей и Геннадий Малаховы, Ксения Собчак, Максим Галкин, Иван Ургант, ну, одного-двух ведущих новостей. В среднем, телезритель вспоминает не более двух-трех имен, а то и меньше. И это при том, что он ежедневно проводит у экрана три часа.

Примерно так в течение десятилетия «улица корчилась безъязыкая», хотя, конечно, она совсем не корчилась, а прекрасно себя чувствовала: «с нами тот, кто все за нас решит». Но в какой-то момент ситуация медленно, но начала меняться. Эти дыры, лакуны в этике, персонифицированной через конкретных людей, все-таки начали смутно ощущаться. Конечно, это относится не к массовому сознанию, а, скорее всего, к представителям того, что раньше было интеллигенцией. Имена понадобились если не всему обществу, то хотя бы его образованным сегментам, причем, как мне кажется, в основном немолодым.

Еще в советское время на телевидении было немало передач, типа встреч в концертной студии «Останкино», куда приходили известные деятели культуры, рассказывали о себе, отвечали на вопросы. Если я не ошибаюсь, тот же Лихачев был героем программы дважды. Во время перестройки, в первые постсоветские годы расцветает жанр интервью: в студию к Урмасу Отту, Владимиру Познеру, Владимиру Молчанову и другим приходят люди и рассказывают о себе. И эти «говорящие головы» собирали огромную аудиторию. Потом жанр интервью из эфира практически уходит.

И вот в последнее время возникло ощущение, что люди, имена каким-то фрагментам общества все же требуются. Я думаю, что проект «Взрослые люди» (первоначально безымянный) возник именно поэтому.

Придумал этот формат и предложил мне им заняться Дмитрий Ицкович – председатель редакционного совета Интернет-портала «Полит.ру». Это было в ноябре 2008 года. Ицкович – человек творческий, креативный. Когда я спросила Игоря Семеновича Кона, сам ли он придумал название своей книги о сексе в России «Клубничка на березке», он ответил, что это было предложение Ицковича, который выдал его мгновенно. Почему он решил, что порталу необходим этот проект, я не знаю. Свои соображения я привела выше, но это результат более поздней рефлексии.

Когда проект был запущен, на сайте было выложено несколько интервью, неожиданно для меня оказалось, что он обрел свою аудиторию. Несколько раз случалось так, что на какой-нибудь конференции или еще где-то ко мне подходили люди и высказывали комплименты по поводу этого цикла. Оказалось даже, что их охотно перепечатывают разные сайты, блоги, живые журналы, то есть интерес к этой проблематике достаточно велик.

Теперь о том, почему в качестве ведущей выбрали меня; конечно, это мои предположения. Ко времени запуска проекта я уже полгода работала на «Полит.ру», хотя и вне штата. Когда я с треском вылетела с телевидения, надо было срочно искать работу. Меня

порекомендовали на «Полит.ру», а им в тот момент нужен был редактор. Они меня немного знали, так как несколько раз перепечатавали на портале мои журнальные статьи. Я стала выполнять редакторскую работу, но у меня появилась возможность активно делать то, о чем я мечтала, работая на телевидении, – писать статьи, прежде всего, именно о телевидении. Этим я и занималась с большим удовольствием параллельно с работой в Высшей школе экономики, куда я пошла работать.

Возможно, Ицкович решил: раз я умею писать, то смогу и разговаривать. А может быть, ему показалось, что с учеными легче общаться кандидату наук? Не исключаю, что сыграл роль и мой возраст: в проект попадают люди не самые молодые.

Какова самая общая цель проекта? Собственно – зачем он проводится?

За последние годы от нас ушло немало исключительно интересных людей, и далеко не всех из них активно снимало телевидение. А такие люди интересны сегодня и будут интересны обществу завтра. «Полит.ру» захотелось записать в видеоформате как можно больше людей интересных, талантливых, чтобы все желающие могли их лучше узнать. Никаких более конкретных задач передо мной не ставилось. Идею я поняла именно так – и начала ее реализовывать.

Кто является вашим потенциальным респондентом? К кому вы обращаетесь? Кто в вашем понятии «взрослый человек»?

Кто такие «Взрослые люди»? Сразу скажу, молодежь в проект не попадает, «взрослые» – значит «пожившие», много видевшие, много пережившие, много сделавшие.

Подбор респондентов зависит исключительно от меня – это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что я разговариваю с теми людьми, с которыми мне хочется познакомиться, с которыми мне интересно разговаривать. Плохо, потому что я ориентируюсь в большей мере на собственные предпочтения и на собственные возможности. Поэтому в большей мере в проект пока попадают люди из тех сфер деятельности, которые мне лучше известны.

Незадолго до начала проекта прошел социологический конгресс, подводивший итоги полувекового развития этой науки в СССР и России. Конечно, первая мысль, которая пришла мне в голову, – поговорить с отцами-основателями нашей социологии. Еще раз подчеркну, что подбор респондентов осуществляется во многом субъективно. Так, мне очень хотелось взять первое интервью у И. С. Кона, книги которого я с огромным интересом читала с юности и храню их в своей домашней библиотеке. Именно так я и сделала. Одновременно я начала искать контакты с представителями других гуманитарных профессий. Второе интервью было с Григорием Соломоновичем Померанцем – разве можно пропустить возможность с ним познакомиться? Мы с ним встречались еще дважды. Так примерно на первом этапе и происходило: интервью с социологом чередовалось с беседой с представителем другой гуманитарной профессии. К примеру, после Татьяны Ивановны Заславской я шла к Владимиру Андреевичу Успенскому. Если у одного из моих потенциальных респондентов ожидался юбилей, я старалась приурочить подготовку интервью именно к этой дате. Так было с Анатолием Григорьевичем Вишневым, которого я впервые увидела в 17-летнем возрасте, на первом курсе, в сентябре, когда начала учиться на демографа.

Недостатком проекта является то, что пока я работаю только с москвичами. Очень хочется расширить географию «Взрослых людей», хотя бы за счет питерцев. Это я собираюсь

предложить руководству «Полит.ру» в новом сезоне, хотя в связи с большой загруженностью преподавательской работой такие выезды не могут быть частыми.

Второй перекокс – это идейно-политическая направленность моих респондентов. В основном это люди либеральных взглядов, хотя и не всегда. В проекте участвовали такие люди, как социолог Франц Эдмундович Шереги, юрист коммунистических взглядов, бывший омбудсмен Олег Орестович Миронов. Будут, конечно, и другие герои с нелиберальными политическими взглядами. Но у меня нет стремления представить в проекте весь континуум политических взглядов современного общества, мои задачи гораздо скромнее. К тому же я все же ориентируюсь на основную аудиторию читателей и зрителей «Полит.ру». Это очень крупный портал, где мой проект далеко не единственный, и на нем представлены разные точки зрения.

Пожалуйста, расскажите немного о технологии интервью? Тема и обсуждаемые вопросы заранее согласуются с респондентами – или они не посвящаются в характер беседы? Вы сами устанавливаете видеочкамеру (видеочкамеры) или с вами работает оператор? Как наговоренное переводится в текст? Много ли вам приходится редактировать? Согласуете ли вы финальный текст интервью с респондентом?

Если говорить о технологии, то любое интервью начинается с телефонного звонка человеку, у которого мне хотелось бы взять интервью. Как выяснилось, портал «Полит.ру» в среде моих респондентов хорошо известен, поэтому в большинстве случаев удается договориться. К сожалению, бывают и отказы, в основном связанные с тем, что люди не любят публичности, не дают интервью в принципе. Большинство моих героев – очень занятые люди, нередко приходится обращаться к ним несколько раз, прежде чем они найдут время для нашей беседы. Мое твердое правило: время и место встречи выбирают респонденты, я по возможности под них подстраиваюсь. Чаще всего мы приезжаем домой к респондентам, реже – на работу. А беседа с французским социологом Алексеем Яковлевичем Береловичем записывалась у меня дома.

Мне больше нравятся домашние встречи, там человек более открыт и свободен. Для меня это важно, поскольку я стремлюсь к тому, чтобы это были не жесткие интервью, а непринужденные беседы, когда человек рассказывает о том, что ему кажется наиболее интересным. Нередко подготовленный заранее план интервью заметно меняется. Я всегда говорю, что никуда не тороплюсь, готова слушать человека долго. Если удастся разговорить моего героя, то оказывается, что полутора часов для его рассказов мало. Тогда предлагаю встретиться повторно, иногда и в третий раз. Таких «историй с продолжением» уже набралось больше, чем однократных встреч. Трижды мы встречались с Г.С.Померанцем, С.А.Ковалевым, Р.М.Фрумкиной. Дважды – с И.С.Коном, Л.М.Алексеевой, А.Г.Вишневым, Н.В.Брагинской, О.А.Седаковой и другими.

Бывает, я заранее планирую не одну встречу. Так, Борису Владимировичу Дубину я предложила в ходе первого интервью поговорить о нем как о переводчике, а во втором – о социологе. Обе темы никак не уместались в одну беседу.

Запись интервью осуществляется оператором. Сама я не могу производить съемки по двум причинам. Во-первых, я не дружу с техникой. Даже если бы и научилась снимать, то все время волновалась бы, все ли в порядке, не кончилась ли пленка, а во время интервью я должна быть полностью сконцентрирована только на своем герое, на общении с ним. Во-вторых, коммуникация должна быть непрерывной, ни в коем случае не дискретной. Как только я встану, чтобы изменить ракурс съемки (если бы я это умела), так респондент

перестанет говорить, и возобновить атмосферу непринужденности удастся далеко не сразу.

Любой интервьюер должен обладать умением заинтересованного слушания, только при этом возникает настоящая коммуникация. Мне повезло, мне не приходится заставлять себя слушать с вниманием и интересом: мне действительно интересны эти люди, я полностью сосредоточена на беседе с ними.

Между телефонной договоренностью и собственно беседой находится важнейший этап работы – подготовка к встрече. Читаю все, что нахожу о своих героях, их воспоминания, их статьи и статьи о них. Чем больше я знаю о человеке, чем лучше подготовлена, тем увереннее себя чувствую, и это заметно по ходу интервью и по его качеству. Во время подготовки к встрече с В.А.Успенским прочитала его книгу, в которой полторы тысячи страниц («Труды по НЕматематике»), не говоря уже о разных других материалах. Можно ли разговаривать с Ольгой Седаковой, не прочитав ее стихи?

Перед интервью я почти никогда не готовлю конкретные вопросы, только общее направление беседы, важнейшие темы. Это для меня принципиально важно, поскольку мне хочется, чтобы беседа шла естественно, человек говорил свободно, сообразуясь с ходом своих мыслей, своих воспоминаний. Договариваясь о встрече, я кратко рассказываю, что это за проект. Часто этого и не требуется, поскольку люди о нем знают, следят за ним. Очень коротко я говорю, о чем хотела бы поговорить и спрашиваю – может быть, мой будущий респондент предпочел какие-то другие темы. Если так, я считаю, что это его полное право. Правда, пока это случалось крайне редко.

Еще одна проблема появилась, когда я впервые договорилась о встрече с человеком, которого давно знаю. Я чувствовала, что обращаться к нему на «вы» и по имени-отчеству не очень естественно. Он сам (словно почувствовав) сказал: «Люба, давай на ты, мы же друзья». С тех пор так и повелось, хотя редко, поскольку дружеские отношения меня связывают с очень немногими.

После интервью я чаще всего отправляю видео и текст на авторизацию. Если человек не проявляет в этом заинтересованности, то этого не делаю. Различия между видео и печатным текстом обычно минимальны, я лишь немного «чищу» сказанное. Все-таки между устной и письменной речью есть зазор, и напечатанный текст должен выглядеть более четким, чем произнесенный. В авторизованное интервью никаких изменений я не вношу. Кстати, именно авторизация приводит к наибольшим различиям между сказанным и напечатанным.

Вы знаете, что я интервьюировал с помощью электронной почты значительное число российских социологов, в том числе – ряд тех, с кем беседовали и вы. На какие «плюсы» и «минусы» этого метода биографического интервьюирования и вашего вы могли бы указать?

Мне кажется, что и достоинства, и недостатки связаны с тем, что это письменное общение. Оно гораздо более четко структурировано; мне представляется, что в таких интервью нет случайного. Здесь можно в любой момент что-то уточнить, на очередной итерации задать вопрос на понимание, при такой форме интервьюирования можно получить больше интересующего его материала.

Что касается минусов такой формы интервьюирования, то при непосредственном общении возникает более тесная коммуникация, эмоциональный контакт, что делает

респондента более открытым. Кроме того, роль респондента вообще возрастает: он может рассказать такие вещи, о которых интервьюер просто не знает, а потому никогда не спросит. Появляется большой эвристический потенциал, но за счет стройности и полноты отработки информации.

Мне кажется, что идеальный вариант, если, конечно, не ведется видеозапись, – это личная встреча, а потом совместная работа над расшифровкой текста: интервьюер имеет возможность задать интересующие его вопросы, углубить и уточнить отдельные фрагменты беседы, установить точную датировку и пр.

На данный момент с каким количеством людей проведены интервью?

За полтора года я взяла более 55 интервью для этого проекта, а кроме того – 11 интервью для юбилейного мини-проекта к 80-летию Юрия Александровича Левады. Сначала эти интервью не имели четкой периодичности, в среднем было два интервью в месяц, но с прошлого лета мы перешли на еженедельный формат. Для меня это довольно напряженный график, но опыту многолетней работы на телевидении я знаю, что программа должна быть в эфире не реже, чем еженедельно.

Как бы вы охарактеризовали обобщенный портрет (пусть несколько портретов) ваших героев? Каково в целом у ваших «взрослых людей» ощущение прожитых ими лет?

Начиная работу над проектом, я ставила для себя главную цель – попробовать выделить некоторые важные жизненные траектории для каждого поколения – для людей, рожденных в 1920-ые, 30-ые, 40-ые годы. Выявить какие-то общие поколенческие черты. Очень многие из моих респондентов родились около 1930 года – плюс-минус два года. К этой группе относится основная часть отцов-основателей социологии, а также ряд других героев моих интервью. У меня еще и личностно окрашенное отношение к людям, родившимся в это время: это поколение моих родителей.

Поскольку массив сведений по этой возрастной группе оказался наиболее обширным, то я собираюсь провести анализ информации по этой когорте шестидесятников, выделить основные общие черты. А сейчас набирается уже достаточно много информации и по следующему поколению – тех, кто родился в послевоенное время, застал остатки оттепели, но в большей степени начал реализовываться в 70-ые годы.

Общим, связывающим всех 80-летних респондентов, оказалась их необычайно сильно выраженная страстность по отношению к науке и их гражданственность. Если говорить о социологах, то практически все из них узнали о социологии случайно или почти случайно, но сразу почувствовали, что для них нет ничего более интересного и жизненно важного, чем понимание общества, в котором они живут. Этот интерес носил отнюдь не только академический характер, им хотелось понять общество, чтобы сделать его лучше. Молодые в те времена лингвисты с той же страстностью относились к своей науке, которую они тогда в СССР только создавали или восстанавливали после долгого перерыва. С каким чувством до сих пор вспоминает В. А. Успенский, как он придумал назвать первую школьную олимпиаду по лингвистике «традиционной», чтобы в следующем году ее проведение было уже естественным явлением. Эта маленькая хитрость вызывает у него не меньшую гордость, чем собственные научные результаты.

Эта страстность – характерная черта всех шестидесятников, за которую их в последние годы очень жестко критикуют, обвиняют в наивности, недалекости и пр. Молодые

коллеги нередко полагают, что ученый должен хорошо делать свое дело, а желание что-то изменить не входит в задачу настоящего ученого, более того, их гражданственность – это минус с точки зрения научных результатов.

Еще одна общая поколенческая черта – все они рано повзрослели. Их детство пришлось на войну, и даже дети из самых благополучных семей очень быстро стали не по возрасту взрослыми. Кстати, представитель следующего поколения, лет на 15 моложе представителей первого поколения социологов – Борис Дубин – сетовал на то, что представители его поколения выросли как раз медленно.

Общей проблемой для молодости поколения тех, кому в год смерти Сталина было 20 лет или чуть больше, была выработка собственного отношения к сталинизму. В детстве их отношение к советской жизни было очень разным, многие довольно долго питали иллюзии о самом лучшем и справедливом строе или о правильности и гуманизме коммунистической идеологии. Потом эти иллюзии болезненно рассеивались. Так было, например, с правозащитницей Людмилой Михайловной Алексеевой, которая, будучи аспиранткой, решила прочесть все тома собрания сочинений В.И.Ленина, чтобы понять, что такое правильный марксизм-ленинизм, а что в окружающей ее действительности является его искажением. Другие респонденты не были так очарованы, но какая-то переоценка ценностей, зачастую тяжелая и болезненная, происходила и у них.

Есть еще два общих свойства людей этого поколения, которые вызывают у меня большое уважение. Во-первых, все они очень волевые и решительные. Поскольку каждый шаг в продвижении новых наук вызывал большое сопротивление властей, то слабые просто не могли ничего добиться. Этим людей все эти трудности закаляли, не ломали. Во-вторых, они придают первостепенное значение этике, порядочности в науке и в жизни.

Родившиеся в первые послевоенные годы по многим характеристикам заметно отличаются от своих предшественников в науке, которые старше них на полтора десятилетия. У них слишком коротким был период социального подъема, больших надежд, что сильно сказалось на их жизненном пути. 70-ые годы были во многом жестче 60-ых, и это весьма заметно в рассказах моих респондентов.

Каждый из ваших респондентов понимает, что его рассказ будет вскоре опубликован. Как вы думаете, налагает ли это обстоятельство на содержание его ответов? Есть ли у вас основание думать о существовании тем, которые могут быть неприятны для ваших героев, которых они избегают?

Степень откровенности зависит от целого ряда факторов. Во-первых, от характера самого героя интервью. Есть люди более и менее открытые. Например, И.С.Кон никого не пускает в свою частную жизнь, это его правило. Во-вторых, от того, были ли мы знакомы раньше. Конечно, люди, с которыми меня связывает многолетнее знакомство (за редкими исключениями) менее скованы рамками интервью. В-третьих, от того, есть ли в жизни человека события, которые человек не хочет представлять на всеобщее обозрение. Если я о них что-то знаю, то настаивать точно не буду. Мое правило: человек имеет право на личное пространство, в которое никто не имеет право вторгаться. Правда, были случаи, очень редкие, когда человеку как раз хотелось покаяться, и он воспользовался интервью как возможностью это сделать публично. Конечно, степень откровенности интервью при этом оказалась запредельно высокой, но все же это решение респондента, а не мое. Я не считаю себя вправе так глубоко внедряться в интимное пространство своих респондентов. Одно дело – это профессиональные ошибки, другое – этические. Деликатно задать вопрос

о каких-то сенситивных событиях в жизни человека я имею право и даже должна настаивать на ответах – не имею морального права, я не судья и не прокурор.

Серия интервью в память Ю.А. Левады получилась очень содержательной; не планируете ли вы поговорить о других недавно ушедших от нас «взрослых»? Если говорить о социологах, то это прежде всего Б.А. Грушин и А.Г. Здравомыслов.

Серия интервью о Ю.А. Леваде мне кажется удачей проекта, некоторые интервью были не только содержательными, но и исключительно экспрессивными, эмоционально насыщенными. Скорее всего, через какое-то время я повторю этот опыт, но воспроизводить его систематически не предполагается. Дело в том, что этот мини-проект продолжался шесть недель, что могло показаться незаинтересованным в этом читателям и зрителям несколько однообразным. Надеюсь, этому препятствовали эмоции, чувства людей, которые рассказывали о Юрии Александровиче.

Кто будет следующим героем такой серии интервью, и когда это будет, я пока сказать не могу. Уверена только, что такой мини-проект должен проходить не чаще одного раза в год. А может быть, стоит как раз перейти на ежегодный формат. Каждую весну вспоминать кого-то из замечательных наших ученых.

Для историко-биографического анализа важна фактура, выложенная во времени. Просмотрите ваши беседы, не кажется ли вам, что в них много событий, но мало дат? Это чем-то обосновано, или пока просто так складывается?

Действительно, в рассказах моих респондентов много событий, но мало точных дат. В большинстве случаев они их просто не помнят, даты не привязаны к эмоциональной памяти. Очень часто (обычно не под запись) я пытаюсь выяснить, когда происходили те или иные события, но практически никогда выяснить это точно не удастся. Все-таки люди рассказывают преимущественно о том, что сохранилось в памяти как эмоционально насыщенные события. В этом сила проекта, но в этом и его слабость, если рассматривать эти интервью как исторический материал.

Другое дело, что датировкой следовало бы заняться мне. Это не очень существенно для Интернет-проекта, вот если бы на основе интервью удалось когда-нибудь собрать книгу, это стало бы насущной необходимостью.

Итак, 55 интервью... Огромный массив наблюдений, впечатлений, рассуждений «взрослых людей», каждый из которых многое видел, о многом думал... попробуйте просуммировать, что же они поведали о своем времени. Могу вопрос задать иначе: что из этих интервью почерпнут люди, которые прочтут, посмотрят ваши беседы в середине века?

Это сложный вопрос, и вот почему. Я веду занятия со студентами одного из лучших московских вузов. Выясняется, что наша жизнь не то что 40-летней, а 15-летней давности – для них глубокая история, не очень интересная. Поэтому я бы разделила этих будущих зрителей и читателей на несколько групп. Первая – это специалисты по истории науки. К примеру, историки советской и российской социологии смогут не только услышать о том, как все начиналось, но и увидеть тех, кто все это начал. Они увидят, что наука – это не только научные труды, но и отношение к своему делу – эмоциональное, пристрастное, драматическое, а то и трагическое.

Вторая гипотетическая группа – это собственно специалисты в тех областях, которые представляют мои респонденты. Не уверена, что их будут эмоционально затрагивать эти рассказы; люди науки становятся все жестче. Но вот какую-то полезную информацию по истории своей науки они получить смогут, появится также возможность сравнить, насколько наука продвинулась вперед.

Третья группа – это люди интеллектуального склада, разумеется, которым может быть просто интересно, как жили, добивались результатов, терпели поражения их далекие предшественники, к чему они стремились, какие иллюзии разделяли. Для них эмоциональный градус рассказов может быть интересен. Фактически это маленький фрагмент советской истории, но не совсем случайный, поскольку мои респонденты – это основном ученые, и достаточно значительные.

Ну, и мне бы хотелось надеяться, что найдутся люди, для которых интерес к моим героям будет связан с их жизненной позицией, этическими представлениями, человеческими качествами. Я вернусь к началу: сейчас это не в цене. Может быть, за полвека многое изменится?